

Д. А. Ананьина,
кандидат философских наук
Забайкальский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗОВ КИТАЯ И МОНГОЛИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»

Внешнеполитическая переориентация РФ на Восток, связанная с тектоническими сдвигами в глобальной геополитической повестке способствует кардинальному пересмотру места и значения восточных рубежей страны в формировании плацдарма для всесторонней интеграции со странами Восточной Азии. Справедливым в этой связи представляется утверждение С. Лузянина о том, что «Сибирь и Дальний Восток России из исторической периферии объективно становятся центром поворота России на Восток».¹

Особое геополитическое положение Забайкалья, традиционно представляющего собой территорию транзита различных культур, вместе с тем обуславливало формирование и своеобразной социокультурной ткани, в рамках которой происходило размывание границ между своим и чужим, и то и другое становится плотно интегрировано в общекультурный контекст региона. Вместе с тем межгосударственная граница выполняла не только формальную функцию демаркации территорий, но и служила экзистенциальным водоразделом, разделяющим трансграничное пространство на три полюса – Забайкалье, Китай и Монголия.²

Описывая специфику трансграничного пространства, д-р культурологии ЗабГУ М. И. Гомбоева акцентирует внимание на выстраивании связей участвующих в нем акторов, которое происходит, с одной стороны, в рамке межгосударственного, «большого» взаимодействия,

---

¹ Лузянин С. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. – 2022. – №6. С. 14.

² Кононов С.В. Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты // Ученые записки ЗабГУ. – 2016. – №3. Т.11. – С. 112.

а, с другой, в пространстве конкретного взаимодействия, когда акторами являются представители стран, народов, государств.³ В данном обзоре мы остановимся как раз на антропологическом срезе этих процессов.

Маркирование всех трех полюсов трансграничного пространства в обыденном сознании жителей региона не было константным и на всем протяжении своей истории претерпевало изменения в процессе трансформации официального внешнеполитического курса, пролегающего в рамке «большого» межгосударственного взаимодействия.

В данном случае, на одном полюсе располагается Забайкалье, саморепрезентация которого в обыденном сознании населения была и остается амбивалентной. Эта амбивалентность заключается в порой парадоксальном сочетании патриотизма и любви по отношению к своей малой родине и одновременно в критике и недовольстве ее «ссылным» бэкграундом и текущим состоянием, описываемым зачастую в таких формах, как «периферийность», «отсталость» и «заброшенность».

На другом полюсе расположилась Монголия, ее репрезентативный образ также не был статичен и изменялся вслед за трансформацией большой рамки российско-монгольских отношений, диапазон этого изменения варьировался от восприятия ее в качестве «младшего брата, с которым дружба навек» до лишь эпизодических упоминаний в местных СМИ на фоне «забвения». Относительно Монголии стоит отметить, что сегодня она во многом рассматривается жителями Забайкалья через призму соседства с Китаем; в тени экономического гиганта, она попадает в своеобразное «слепое пятно». У более старшего поколения Монголия продолжает маркироваться сложившимся в советские годы нарративом «младшего брата», но уже значительно отдалившимся. «Рассеянный фокус внимания» к Монголии прослеживается не только в обыденном сознании жителей, но и во внешнеэкономической деятельности региона. На сегодняшний день в крае

---

³ Гомбоева, М. И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья / М. И. Гомбоева // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия». – Чита, 2006. – С. 41-48.

среди организаций – экспортеров только 11 ориентированы на монгольский рынок, при этом на китайский – 120.

На третьем полюсе Китай, образ которого на протяжении времени изменялся от «непостижимости китайской культуры» до утилитарной стратегии местного населения в налаживании выгодных коммерческих контактов с китайцами, от страхов по поводу «желтой угрозы» до популярности китайской культуры, что находило выражение в привлекательности «китайского трека» в жизненных стратегиях местного населения. Так, например, менялось восприятие китайцев в XIX, начале XX веков. С бурным развитием торговых отношений на российско-китайской границе, китайцы начинают восприниматься как важнейшие партнеры, обладающие такими качествами, как предприимчивость, рачительность, деловая хватка, хитрость.

Немецкий востоковед Юлиус Клапрот характеризовал китайцев, участвующих в кяхтинской торговле 1805-1806 гг. так: «Вообще китайцы отличаются от всех торгующих на Кяхте народов порядком, исправностью, вкусом и остроумием. Притом они хитрее всех».⁴

В начале XX века восприятие китайцев изменяется в силу упадка политической власти Цинской династии, что провоцировало социально-экономическую турбулентность в государстве, оборачивающуюся ростом нищеты и преступности, в том числе и в приграничных с Россией провинциях. В газете Забайкальские областные ведомости за 1903-1905 гг. встречаются сообщения о продаже китайцами дочерей за долги, продаже по причине крайней нищеты детей, включая мальчиков по 10 рублей. Подобные инциденты маркировались в местном СМИ как жестокие, недопустимые и возмутительные («Существование в Китае рабства самой возмутительной формы»)⁵ О борьбе с хунхузами на российско-китайской границе сообщалось: «Это зло возможно искоренить только лишь заменой в

---

⁴ Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен / *Mongolica* – XI: Сборник научных статей по монголоведению. Санкт-Петербург. – 2013. – С.32

⁵ Забайкальские областные ведомости. 1904. №9, с. 4

Маньчжурии всех китайских чиновников – русскими, признавая существование хунхузов продуктом несовершенства государственного порядка и народного бесправия и шаткости гражданских прав в Китае, царящего в нем произвола подкупа».⁶ Указанные примеры иллюстрируют бытовавшее в то время восприятие Китая как государства неразвитого, плохо организованного, не справляющегося с задачами борьбы с преступностью и бедностью.

Очередной виток трансформации восприятия забайкальцами Китая и китайцев связан с революционными преобразованиями и вступлением обеих стран на путь построения коммунизма. Идеологическое единство на основе марксизма-ленинизма определил дружественный характер советско-китайских отношений до 1956 года и судьбоносного XX съезда ЦК КПСС, в ходе которого было положено начало ревизионизму и последовавшему затем охлаждению отношений двух стран. С конца 40-х до конца 50-х гг. XX в. Забайкалье было активно интегрировано в систему советско-китайских отношений, завоевывая статус одной из ведущих площадок для взаимодействия и сотрудничества по ключевым отраслям народного хозяйства. Примечательно, что взаимодействие осуществлялось также между рабочими коллективами в рамках Читинского отделения ОСКД (общество советско-китайской дружбы), что подчеркивает немалую роль низовой инициативы жителей региона в поддержании дружеских отношений с китайской стороной.⁷

Как уже было отмечено, идеологический раскол двух социалистических держав привел к ухудшению советско-китайских отношений. В результате чего в Забайкалье вся система советско-китайского сотрудничества была парализована на 20 лет. На место декларируемой «дружбы народов» приходит страх перед китайской оккупацией. Петина С.В. замечает в этой связи, что «в 1960-1970-е гг. на территории Забайкалья

---

⁶ Забайкальские областные ведомости. 1904. № 13, с. 2

⁷ Макеева С.Б. Советско-Китайские отношения в Забайкалье в 1950-е годы / Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 15 (196). – С. 101

проводились мероприятия, раскрывающие антисоветские действия китайского государства, осуществлялась агитационная работа с местным населением».⁸ Благодаря чему среди населения начинают бытовать соответствующие страхи и легенды. Так, например, в этот период в Чите были распространены слухи относительно вреда исходящего от китайских товаров, например, от термосов, внутренний стеклянный резервуар которых изготовлялся якобы с добавлением ртути.

Очередное потепление советско-китайских отношений 1980-90-е гг. обусловлено трансформацией внутреннего содержания модели общественно-политического устройства СССР и КНР, взявших курс на рыночные преобразования. Стагнировавшие два десятилетия советско-китайские отношения стремительно налаживаются, наращивая сотрудничество по различным направлениям, что для Забайкалья имело фундаментальное значение в свете социально-экономического кризиса турбулентных 1990-х. В условиях распространения частной торговли для многих жителей региона «китайский трек» становится условием выживания. Широкую популярность приобретает система так называемого «муравьиного бизнеса», в Забайкалье челночная торговля посредством перевоза товара через границу с помощью туристов – «кэмэлов» была развита вплоть до пандемии Covid-19. Развитие частной приграничной торговли воскрешает в сознании жителей Забайкалья образ китайцев как умелых и хитрых торговцев, а Китая как мировой фабрики. Какой мифологизированный образ Китая существует в сознании жителей Забайкалья сегодня в связи с переформатированием внешнеполитического курса страны? Можно сказать, что он во многом амбивалентен. С одной стороны, Китай воспринимается как сильный и ресурсный партнер (в сознании старших поколений еще свежи воспоминания о 90-х годах). С другой же, существует также традиционный страх, то периодически становящийся латентным, то активизирующийся с новой силой

---

⁸ Петина С.В. Забайкалье в системе советско-китайских отношений (1949-1991-е гг.). Автореф.дисс...канд.ист.наук: 07.00.02 Отечественная история. Астрахань, 2005. С. 11

о китайской экспансии. Жителям Забайкалья генетически присущ страх «сдачи» своих территорий Китаю. Новым поводом для беспокойства становятся публикации в местных СМИ информации о недвижимости и землях, находящихся в собственности у китайских граждан. Все это может послужить новым витком развития страха о «желтой угрозе», на сей раз тихой и незаметной.

Таким образом, соседство сразу с двумя восточными цивилизациями не могло не отразиться на процессе репрезентации образов населяющих их народов, вплетающихся в повседневную жизнь жителей Забайкалья. Как отмечает Жуков А.В., восприятие представлений о Китае и Монголии приобретало характер мифологизированных образов, отражающих не их самих, а переработанные сознанием населения региона слепки.⁹ При этом на каждом новом этапе истории эти мифологизированные образы трансформировались под воздействием глобальных, политических, экономических факторов. Забайкалье всегда было включено в трансграничный контекст, однако в разные периоды времени отношения с соседними государствами то охладевали, то интенсифицировались. Как продемонстрировал данный краткий обзор, этот процесс был нелинейным, а скорее напоминал синусоиду, в связи с чем, сегодняшняя международная повестка определяет очередной виток развития российско-китайско-монгольских отношений и задает рамки трансграничной интеграции в зоне треугольника Россия-Китай-Монголия, наделяя ее новым смыслом и содержанием.

---

⁹ Жуков А.В. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья / А.В. Жуков, А.А. Жукова // Тамбов: Грамота. – 2014. – №3 (41). – С. 55